

Б.И.Колоницкий

«ПОГОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» (МАРТ–АПРЕЛЬ 1917 Г.)

Kolonitskii, B.I. “«Epaulet Revolution» (March–April of 1917)”.

Cultural symbols are the most important elements of the structure of mentalities in a given society, and they gain a special importance during periods of social upheaval, when fight for these symbols becomes part of fight for power. Periods of revolution cannot be correctly interpreted without studying political attributes. Epaulets were one of such symbols for the Russian officers. The author of this article restores perception of these tokens and reveals the role they played in political processes.

Культурные символы – важнейшие составляющие ментального устройства. В политической жизни символы выполняют разнообразные функции, особенно возрастает их роль в периоды глубоких социальных и культурных потрясений, которые провоцируют своеобразную архаизацию сознания. В эти эпохи воскресают древние образцы отношения к символам, когда борьба за символы власти была важнейшим элементом борьбы за власть.

Революцию нельзя понять без изучения политических символов, при этом речь должна идти не только об их собирании, описании и классификации. Исследователь должен рекон-

струировать восприятие этих символов, выявить ту роль, которую они играли в политических процессах (Stites 1979; Stites 1994: 372–382; Корнаков 1994: 356–365. Последний автор тщательно изучил знамена эпохи: Корнаков 1989; Корнаков 1986: 134–144; Корнаков 1983: 12–26; Корнаков 1990: 26–28, 34, 50–51; Корнаков 1980: 140–146).

Для российских офицеров погоны были важнейшим элементом формы, знаком принадлежности к элитарной корпорации. Почетный характер золотых погон порой по-своему расшифровывали рядовые солдаты и матросы, которые воспринимали их не как знак отличия определенного рода оружия, а как знак принадлежности к привилегированному сословию, к высшей касте. Бывший моряк вспоминал: «На “Азии” (учебном корабле. – Б.К.) служил в чине поручика с березовыми погонами и с красным просветом Ребров, ... по специальности минный офицер-торпедист. Офицеры дворянского сословия носили золотые погоны с черным просветом и получали зарплату в несколько раз больше простого смертного, поручика, выходца из простого народа. ... Для получения дворянского звания необходимо прослужить в царском военно-морском флоте 25 лет безупречной службы в чине офицера, тогда только присваивают дворянское сословие с ношением золотых погон... » (Воропаев).

Соответственно, во время различных бунтов и восстаний погоны становились объектом атаки повстанцев. Так, например, на броненосце «Потемкин» в 1905 г. матросы срывали с морских офицеров их золотые погоны, восставшие «обеспогонивали» и жандармов на берегу. Но что означали эти действия? По крайней мере в некоторых случаях участники событий расшифровывали свои действия как «разжалование» своих противников (Егоров 1925: 10).

В 1917 г. «обеспогонивание» порой имело такой же смысл. Когда в дни Февральской революции в Таврический дворец привели бывшего военного министра генерала от кавалерии В.А.Сухомлинова, то разъяренные солдаты, считавшие его изменником, чуть не учинили самосуд, генерала спас А.Ф.Керенский. Однако с Сухомлинова сорвали погоны; впрочем, он позднее утверждал, что сам снял их по требованию толпы. В этом случае толпа действовала согласно своеобразному патриотическому коду поведения: генерал считался преступником

и предателем, поэтому он и лишился почетного отличия. Снятие погон было знаком позорного увольнения с военной службы, методом самосуда: в данном случае была осуществлена гражданская казнь. «Обеспогонивали» и некоторых других офицеров, арестованных в дни Февраля. Солдат-фронтовик писал: «В других полках ... без всякого суда арестовывали некоторых офицеров и срывали с них погоны» (Сухомлинов 1926: 291). Можно предположить, что и в данном случае солдаты лишали недостойных, по их мнению, арестантов почетного знака отличия.

В Ревеле, во время манифестации в честь революции, группа штатских атаковала капитана 1-го ранга П.В.Гельмерсена и сорвала с него погоны. Матросы вступились за своего командира и силой доставили виновников происшествия на корабль. Штатские должны были принести извинения и пришить знаки отличия на форму офицера в присутствии всей команды. Совет рабочих и воинских депутатов Ревеля также вынес специальное постановление, осуждавшее виновников конфликта. Нам неизвестны точно мотивы действий лиц, напавших на офицера. Однако очевидно, что и для данной группы матросов, и для депутатов Совета погоны в это время продолжали оставаться почетным знаком отличия (Панцержанский 1987: 77–78; РГА ВМФ. Ф.Р-402. Д.119. Л.15 об.).

Наплечные знаки отличия первоначально вовсе не противоречили символическому осмыслению свершившегося переворота. Показательно, что на многих красных знаменах, созданных вскоре после Февраля, встречаются фигуры солдат, символизирующих революционную армию. Они изображаются в погонах, порой цвет погон и петлиц позволяет даже определить конкретный полк (Корнаков 1986: 134–144).

Некоторые гражданские и военные чины даже в этих ситуациях пунктуально соблюдали установленную форму одежды. Когда Ф.И.Родичев, назначенный министром по делам Финляндии, прибыл в Гельсингфорс, то его на перроне встретили чиновники и высшие офицеры в треуголках и со шпагами (Родичев 1983: 107).

Однако от военнслужащих, имевших на погонах царские вензеля, требовали их удаления: символы старого режима оскорбляли противников монархии. Уже 3 марта британский дипломат сообщал в Лондон: «...солдаты срывают императорские

эмблемы» (Иностранные дипломаты 1927: 111). Требование удаления вензелей также подтверждало сохранение почетного статуса самих погон в глазах части сторонников революции. Впрочем, порой офицеры явно перестраховывались и действовали с опережением: командующий железнодорожным полком в Ставке генерал С.А.Цабель являлся на построение без вензелей, хотя нижние чины в то время еще их сохранили. П.Н.Врангель даже утверждал, что он постоянно ходил пешком по улицам Петрограда в своей генеральской форме с вензелями наследника и за все время не имел ни одного столкновения. Однако борьба с вензелями все же имела место, она отражалась на дисциплине в армии. И 8 марта Верховный главнокомандующий генерал М.В.Алексеев разрешил снять вензеля и аксельбанты. Наконец, 4 апреля военный и морской министр А.И.Гучков отдал приказ № 181 по военному ведомству об удалении накладных вензелей Николая II с погон шефских частей и подразделений. В некоторых частях это вызвало конфликты: офицеры, а порой и солдаты не хотели отказываться от привычной традиционной формы своих полков (Бурджалов 1971: 146; Дубенский 1922: 93–94; Врангель 1969: 24; Харитонов, Горшков 1991: 26–28; Gourko 1919: 327).

Особенно болезненно воспринимали изменение погон учащиеся ряда военных учебных заведений, хотя именно они из-за своей формы могли стать объектом атак революционной толпы. Питомец элитарного Пажеского корпуса был даже сброшен в канал и утонул. Его соученик вспоминал: «Через неделю нам всем было велено снять с эполет золотую царскую монограмму “Н II”. Я как можно дольше уклонялся от выполнения этого распоряжения и не из какой-то особой верности Государю, а по эстетическим соображениям. Возможно, стоит добавить, что многие из мальчиков настолько отождествляли себя с монархией, что расставание с эполетами казалось им чуть ли не предательством» (Граббе 1995: 144).

Погоны создавали возможность для небольших демонстраций самого разного толка. Воспитанники Псковского кадетского корпуса демонстрировали верность монархии, продевая белые платки под погоны (Михайлов 1997: 58). Некоторые же украинские солдаты украшали свои знаки отличия желто-голубыми лентами. В то же время многие военнослужащие «рево-

люционизировали» свои погоны – прикалывали к ним красные банты, обшивали красной материей (первое время многие офицеры с большим или меньшим успехом пытались бороться с этой революционной модой). Некий же представитель революционного Кронштадта даже явился в Штаб Балтийского флота, одетый в офицерскую тужурку с нашитыми на рукавах (сбоку, а не на плечах) адмиральскими погонами. Тем самым подчеркивался его высокий и вместе с тем революционный статус (Темирев 1998: 71).

Появлялись и новые образцы погон, в которых использовалась революционная символика. Военнослужащие создававшихся в 1917 г. ударных частей носили на рукаве черно-красный шеврон. В приказе генерала А.А.Брусилова эта символика объяснялась так: «Красный ... символ борьбы за свободу ... черный ... указание на нежелание жить, если погибнет Россия». Погоны же таких цветов стали знаком отличия солдат и офицеров корниловского ударного отряда, а затем сочетание черного и красного цвета стало символом корниловцев в годы Гражданской войны. Черно-красная тесьма нашивалась на белые погоны 1-го женского батальона (Корнаков 1990: 26–27, 50–51).

Еще 9 апреля на заседании Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта обсуждался вопрос о создании «национальной Красной гвардии», подчиненной исключительно Исполнительному комитету Совета. Предполагалось, что военнослужащие этого отряда будут иметь форму своих частей с погонами красного цвета, на которые наносился бы трафарет «К.Г.» черного цвета. Предложение о введении особых новых погон было отвергнуто (Революционное движение 1958: 194).

Однако сам факт того, что в Гельсингфорсе, ставшем вскоре одним из центров «погонной революции», был поставлен вопрос о введении новых погон, весьма показателен. Интересно, что инициаторы предложения считали Совет вправе ввести новые наплечные знаки отличия. Показательно, что они, подобно создателям ударных частей, использовали красный и черный цвета.

Но через некоторое время погоны вообще, а офицерские погоны в особенности стали восприниматься как символ старого режима, подлежащий немедленному уничтожению. Погоны не соответствовали и символическому осмыслению переворота, борьбу с ними стимулировал и

эгалитарный дух «Приказа № 1», отменившего отдавание чести вне службы. Вопрос об обязательном приветствии старших по званию был необычайно важен и для солдат, и для офицеров, он также провоцировал многочисленные конфликты. Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов также настаивал на отмене отдания чести (Революционное движение 1957: 215, 238).*

Солдаты же рассуждали так: честь отдается погону, установленному царем; царя-батюшки нет – не надо и погон, а тогда не надо и отдания чести. Отмену отдания чести солдаты считали важным завоеванием революции, в своих резолюциях они требовали распространения этого положения на всю армию. Однако для многих офицеров традиционное приветствие было символом военного порядка, и они порой требовали точного соблюдения устава, даже угрожая солдатам оружием. Так, 5 марта в Гжатском гарнизоне произошел инцидент: солдат не отдал чести прапорщику, офицер стрелял, ранил солдата и еще двух штатских, после чего был убит патрулем (Болдырев 1927: 257; Революционное движение 1958: 612, 622, 635).

В некоторых соединениях командование под давлением революционных организаций отменяло отдавание чести. 6 марта Исполнительный комитет Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта принял постановление: «Временно, впредь до издания Временным правительством соответствующего закона, отдавание чести воинскими чинами господам офицерам – вне строя и службы отменяется». На следующий день вице-адмирал А.С.Максимов, командующий флотом Балтийского моря, опубликовал приказ № 6. В приказ было включено постановление Исполкома с резолюцией командующего «К исполнению» (Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 9 марта; РГА ВМФ. Ф.479. Оп.1. Д.1328. Л.92). Но приказ Верховного главнокомандующего генерала М.В.Алексеева от 15 марта требовал обязательного отдания чести, отменяя другие виды приветствия в районе действующей армии. Правительство создало специаль-

* Приказ по Морскому ведомству от 5 марта гласил: «Вопросы об отдавании чести, ввиду их сложности, будут разъяснены дополнительно приказом» (РГА ВМФ. Ф.249. Оп.1. Д.103. Л.12 об.).

ные комиссии, предназначенные для рассмотрения проектов преобразований в армии и на флоте. Был создан проект документа, который уже в марте публиковался в прессе как «Декларация прав солдата». Один из пунктов «декларации» гласил: «Всякое отдание чести как отдельными лицами, так и командами, в строю и вне строя, отменяется» (РГА ВМФ. Ф.Р-181. Оп.1. Д.43. Л.5; Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 16 марта). Командование протестовало против «декларации», А.И.Гучков отказывался ее подписать. Однако в условиях революции и газетная публикация могла восприниматься как призыв к немедленным действиям. Солдаты отказывались отдавать честь, ссылаясь на публикации.

Вопрос об отдании чести стал предметом серьезных конфликтов на Черноморском флоте, который в это время стоял на оборонческих позициях и в целом пока еще контролировался командованием. Приказ Алексеева от 15 марта был объявлен 30 марта приказом по флоту, но встретил серьезные возражения со стороны комитетов. Командование флотом направило специальный запрос в Ставку. Ответ генерала А.И.Деникина, начальника Штаба Верховного главнокомандующего, направленный 6 апреля, гласил: «Вопрос об отдании чести может быть разрешен только приказом военного министра. Такого приказа не было, и потому отдание чести является обязательным для всех военнослужащих». Командование направило этот ответ в Севастопольский Совет (РГА ВМФ. Ф.Р-181. Оп.1. Д.43. Л.57-57 об.). Однако это не положило конец спорам вокруг приказа, 11 апреля судовые комитеты сразу нескольких кораблей выразили свое отрицательное отношение к отданию чести. Комитет линейного корабля «Екатерина Великая» сообщил в Севастопольский Совет, что приказ Алексеева «не принят» на корабле. По его прочтении приказ был встречен командой «бурным протестом». Комитет эскадренного миноносца «Лейтенант Шестаков» отмечал «неудобство и стеснение как для матросов и солдат, так и для офицеров, происходящее от отдания чести» и рекомендовал окончательно отказаться от приветствия, а также разрешить офицерам носить вне службы штатское платье. Комитет же транспорта «Кронштадт» наста-

ивал на скорейшем созыве общего собрания судовых и войсковых комитетов Севастополя для обсуждения вопроса об отдании чести (РГА ВМФ. Ф.Р-181. Оп.1. Д.43. Л.87, 99, 106 об.). Как видим, вопрос об отдании чести был связан с вопросом о форме и о ношении штатской одежды. Сам вид погон провоцировал появление проблемы приветствия.

Вскоре вокруг погон возникло множество новых конфликтов, особенно остро они протекали в военном флоте. Первоначально и моряки вовсе не воспринимали наплечные знаки различия как нечто чуждое новому строю. Погоны, например, носили моряки во время погребения жертв революции в Петрограде (никакие «старорежимные» символы во время этой революционной церемонии, безусловно, не были бы недопустимы). В погонах запечатлены и матросы – депутаты Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (Архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. Г-14600. Д.19776).

Но часть моряков воспринимала погоны как царские эмблемы. Подобное отношение проявилось прежде всего в Кронштадте. И здесь в дни переворота гражданская казнь предшествовала казни реальной: матросы сорвали погоны с ненавистного им адмирала Р.Н.Вирена (по другим данным, Вирен сам отстегнул погоны по требованию восставших). Это, по свидетельству очевидцев, стало сигналом к его убийству (РГА ВМФ. Ф.Р-404. Оп.2. Д.143. Л.4; Колбин 1927а: 136; Колбин 1927б: 27). Но в Кронштадте лишение знаков отличия становилось и символом присоединения к восставшим, именно так стали отличать «своих» офицеров от «вражеских». «От офицеров, присоединившихся к нам, потребовали, чтобы они разоружились и сняли погоны, они с радостью исполнили требование революционеров», – вспоминал участник движения. Иначе, разумеется, оценивали ситуацию офицеры. Капитан 2-го ранга В.В.Руднев 8 марта сообщал в Главный морской штаб: «Офицерам свободным нельзя ходить в погонах, которые срываются, очевидно, худшими элементами из экипажа» (Правда. 1917. 11 марта; 15 апреля; Авдеев 1923: 65; Революционное движение 1957: 623). В Кронштадте все офицеры также обезоруживались, у них отбиралось не только огнестрельное оружие, но и кортики, палаши, шашки, полагавшиеся при ношении некоторых видов формы.

Реальную обстановку вынуждены были учитывать представители командования. Даже начальник Морского инженерного училища императора Николая I, расположенного в Кронштадте, уже 7 марта отдал специальный приказ. Он предлагал «всем господам офицерам и гардемаринам, впредь до наступления более спокойного времени в Кронштадтской крепости и до особого распоряжения, не носить погон, а господам гардемаринам сверх того предлагая снять и ленточки с фуражек». Можно предположить, что ленточки с монархическим названием училища особенно раздражали революционную толпу. Гардемаринам следовало также выходить в город без палашей. Однако наступало время отпусков и пасхальных каникул, и начальник училища отдал новый приказ, касающийся формы отпускников, покидающих крепость. Им следовало иметь погоны, но без вензелей Николая I. На ленточках они также должны были иметь надпись «Морское инженерное училище», но без слов «императора Николая I». Однако в самом Кронштадте гардемарины должны были ходить в бушлатах без погон (РГА ВМФ. Ф.434. Оп.1. Д.1285).^{*} Как видим, после Февраля появилась особая, «кронштадтская», форма, отличная от формы всех других гарнизонов.

В Гельсингфорсе, как мы видели, первоначально вопрос о погонах не стоял остро. На фотографиях, изображающих похороны жертв революции в столице Финляндии, можно видеть и матросов, и офицеров в погонах (Фонд фотографий и негативов ЦВММ. №№ 05357, 05359, 015573/2, 015572). Но вскоре и на главной базе Балтийского флота не только матросы, но и солдаты стали снимать погоны. Командующий флотом вице-адмирал А.С.Максимов отмечал затем в послании главнокомандующему Северным фронтом стихийный характер этого движения: «Снятие погон началось в сухопутных и морских частях помимо комитетов и общего собрания депутатов и без приказа» (РГА ВМФ. Ф.479. Оп.2. Д.1254. Л.41).

Особенно остро конфликт протекал во 2-й бригаде линейных кораблей, где шла усиленная агитация за снятие с офицеров и кондукторов погон, а с унтер-офицеров – нашивок как

^{*} Приношу благодарность И.Н. Наймушину, сообщившему мне эти сведения.

ярких отличий «старого режима». Когда командующему флотом донесли об этом, то он объявил, что немедленно снесется с правительством по вопросу об изменении формы, при этом новая форма будет без погон. Однако ситуация обострялась, ждать правительственного решения было уже нельзя. Унтер-офицеры флагманского корабля эскадры сняли нашивки, команда волновалась и требовала, чтобы офицеры и кондуктора немедленно сняли свои погоны. В этой ситуации даже консервативно настроенный командир бригады, капитан 1-го ранга Г.О.Гадд должен был реагировать; он созвал членов судовых комитетов и разъяснил им ситуацию. Члены комитетов согласились с тем, что для проведения реформы необходимо время. Но и комитеты не контролировали стихийные волнения матросов, офицерам угрожало новое избиение. Тогда Гадд приказал поднять сигнал: «Ввиду предстоящего изменения формы, предлагаю офицерам и кондукторам бригады снять погоны, а унтер-офицерам – нашивки». Когда все корабли ответили на сигнал, то и командир снял свои погоны. О своих чувствах он вспоминал так: «За мной наблюдали. Но, кажется, ни один мускул не дрогнул на моем лице, хотя меня и душили слезы...» (Граф Г.К. 1997: 277–278).

В Гельсингфорсе состоялось бурное обсуждение вопроса о погонах на собрании морских и сухопутных офицеров. Некоторые высшие офицеры неожиданно оказались яркими противниками старой формы. Морские офицеры вспоминали, что старый генерал К.А.Алексеевский, командовавший Свеаборгской крепостной артиллерией, сорвал с себя погоны и бросил их на пол со словами: «Довольно!.. я не могу больше носить царских погон: они давят мне плечи... Если вы думаете, что они для меня что-нибудь значат, то жестоко ошибаетесь... » Полковник же корпуса гидрографов А.Е.Ножин даже топтал «позорные эмблемы» прошлого. Он якобы кричал: «Эта проклятая эмблема царской власти жжет меня... Я всегда стыдился этой ливреи и краснел за нее, встречая товарищей – борцов за свободу... » Возможно, авторы подобных заявлений стремились обратить на себя внимание представителей Гельсингфорского Совета, присутствовавших на заседании. И Ножин, и Алексеевский сами были депутатами Совета, Ножин заведовал в Исполкоме делами печати, а генерал Алексеевский даже председательствовал

на некоторых заседаниях Совета (ранее Ножин выступал за единообразие формы одежды всех морских офицеров; по его мнению, гидрографы были своеобразной «черной костью»). Многие возмущенные офицеры решительно протестовали, в ответ Ножин якобы угрожал им расправой. Делегаты, посланные собранием, обратились к командующему Балтийским флотом, который уже знал о случаях насилия. Он также снял свои погоны и заявил, что издает приказ об их уничтожении. После этого и собрание офицеров, во избежание эксцессов, приняло резолюцию – немедленно снять погоны и надеть нарукавные нашивки (Граф Г.К. 1997: 315–316; Панцержанский 1987: 77–78, 82–84; Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 12, 19 марта).

Упомянутый приказ по флоту начали передавать 15 апреля в 16.00. Максимов сообщал в Морской генеральный штаб, помощнику морского министра и в штаб Северного фронта: «Ввиду настойчиво выраженного стремления подчиненных мне команд флота снять внешние отличия формы, напоминающей старый строй, мною отдан следующий приказ: 15 апреля 1917 года, № 125. Ввиду того что форма воинских чинов напоминает по наружности старый режим, предлагаю во всех подчиненных мне воинских частях теперь же снять погоны и заменить их нарукавным отличием, образец которых будет объявлен дополнительно» (РГА ВМФ. Ф.417. Оп.2. Д.2304. Л.44; Ф.479. Оп.2. Д.1050. Л.671–671об.; Д.1254. Л.7–7об., 9).

В Гельсингфорсе, однако, объявление приказа повлекло новые эксцессы. Сторонники «обеспогонивания» стали считать свои действия чуть ли не «уставными» и с возросшим энтузиазмом приступили к решению этой задачи прямо на улицах столицы Финляндии. Флагкапитан по оперативной части флота капитан 2-го ранга И.И.Ренгартен записал в своем дневнике: «Командующий флотом и комендант крепости издали приказы, и это было приведено в исполнение... Но и при этом сделали уличный беспорядок: улицы Гельсингфорса полны груд матросских и солдатских погон – они снимают их с себя и друг с друга и бросают на мостовую. Со встречных офицеров, еще не знавших о приказе, тоже снимали погоны – вообще это было явное желание унижить... живущий здесь отставной генерал пришел в свою комнату (он

носит штатское) и увидел: с кителя содраны погоны, пуговицы и Георгиевский крест, и все это брошено на пол... Явное желание оскорбить» (РГА ВМФ. Ф.Р-29. Оп.1. Д.200. Л.22).*

В 20ч.40м. контр-адмирал В.К.Пилкин, начальник 1-й бригады крейсеров Балтийского моря, базировавшейся на Ревель, направил в Штаб флота послание: «Прошу указать время, с которого новая форма офицеров заменяет старую. Необходимо знать для одновременного исполнения всеми офицерами. И, также, какие должны [быть] наружные знаки отличия». Ему отвечал начальник Штаба флота, контр-адмирал Д.Н.Вердеревский: «Наружные нарукавные знаки отличия вырабатываются, и по выработке будут сообщены. Приказ комфлота номер 125 в Гельсингфорсе уже исполнен». Возможно, впрочем, что в это время сам Максимов, получивший сведения о новых эксцессах, пытался притормозить распространение своего приказа. В 22ч.30м. последовало новое указание командующего флотом: «Приказ номер 125 принять к исполнению 18 апреля [в] 24 часа, к которому времени будет прислано описание нарукавных отличий» (РГА ВМФ. Ф.479. Оп.2. Д.1254. Л.4-5об.). Но к этому времени процесс «обеспогонивания» был уже необратим.

Приказ командующего бурно обсуждался на флоте, некоторые офицеры согласились снять свои почетные и привычные знаки отличия лишь после настойчивых уговоров старших по званию, стремившихся предотвратить новые конфликты. Без погон морские офицеры чувствовали себя неловко – они напоминали друг другу курьеров Морского министерства, которые не имели никаких знаков различия (Темирев 1998: 80). К тому же многие офицеры считали приказ незаконным: Максимов формально явно превысил свои полномочия. Собрание инженеров-строителей крепости имени Петра Великого обратилось 16 апреля к командованию с телеграммой следующего содержания: «Получен приказ о снятии погон, отданный комфлотом без ссылки на приказ Временного правительства. Понимая зна-

* Приношу благодарность Е.Ю.Дубровской, сообщившей мне данные сведения.

чение дисциплины, мы подчинились этому приказу, но просим подтвердить таковой, а до введения и постройки новой формы разрешить носить штатское платье. Ответ ждем немедленно» (РГА ВМФ. Ф.417. Оп.2. Д.2304. Л.49).

В некоторых случаях приказ Максимова обсуждался в войсковых комитетах. Совет воинских депутатов Моонзундской позиции принял 16 апреля следующее постановление: «...предложить немедленно привести в исполнение этот приказ, а металлические пуговицы и погоны собрать для военных нужд» (Копии большевистских резолюций, постановлений (Рукописно-документальный фонд ЦВММ. В-11833/1. Л.47)).

Распространение приказа на флоте было связано с новыми эксцессами, матросы порой узнавали о нем раньше, чем офицеры. В этой ситуации любой носитель погон мог восприниматься как контрреволюционер, их силой срезали даже с матросов, прибывавших в города и на базы с кораблей, на которые приказ еще не поступил из-за ледохода. В Ревеле же любой офицер мог оказаться объектом неожиданной атаки нижних чинов, срывавших погоны прямо на улицах. При этом пострадали и те офицеры армии, к которым этот приказ вообще не имел отношения. Утверждалось даже, что один сухопутный полковник, оказавший сопротивление, был убит (Панцержанский 1987: 84).

Об остроте конфликта в Ревеле свидетельствует телеграмма начальника Минной дивизии капитана 1-го ранга А.В.Развозова от 16 апреля: «Приказом комфлота сняты погоны у воинских чинов подведомственных ему частей, а потому все прибывающие в Ревель должны быть без погон. Прошу во избежание недоразумений извещать об этом всех офицеров, выезжающих из Петрограда». Председатель же Союза морских офицеров в Ревеле капитан 1-го ранга Б.П.Дудоров прямо просил дать соответствующие распоряжения коменданту Балтийского вокзала в Петрограде, чтобы последний предупреждал всех едущих в Ревель воинских чинов о снятии погон во избежание эксцессов (Панцержанский 1987: 84; РГА ВМФ. Ф.417. Оп.2. Д.2304. Л.48, 61).

«Обеспогонивание» происходило не только на военно-морских базах и в портовых городах. Утром 16 апреля на платформе железнодорожной станции Белоостров трое

матросов, вооруженных ножом, срезали погоны с прапорщика флота. Публика, по преимуществу финская, с ужасом наблюдала за их действиями. А русский рабочий, машинист Морского госпиталя, пытавшийся протестовать, был также подвергнут «личным оскорблениям» (Известия Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта. 1917. 26 апреля).

Свидетелем событий в Ревеле был британский морской офицер командор Ф.А.Кроми, командовавший соединением английских подводных лодок, базировавшихся на Ревель. Он сообщал в Лондон, что приказ был получен поздно в субботу 15-го. Кроми упоминал о «неприятных» сценах на улицах, когда с русских офицеров, не знавших о существовании приказа, срезали «священные» для них погоны. «Опрометчивый и поспешный» приказ Максимова не прибавил, по мнению английского моряка, командующему популярности в офицерской среде. Однако Кроми высказал предположение, что адмирал пытался предотвратить некий заговор: на 1 мая (18 апреля старого стиля) якобы тайно планировалась массовая акция по «обеспогониванию» офицеров (Cambridge University Library, Manuscript Room, Templewood Papers, II: 2; Cromie 1973: 368–369). Очевидно, британский офицер пересказывал слухи, которые передавали его российские коллеги. Возможно, за этими слухами и стояли какие-то факты – в некоторых городах России прилюдное лишение офицеров погон стало элементом праздника 1 мая.

В столице руководители Морского ведомства с ужасом и раздражением наблюдали за развитием «погонной революции» на Балтийском флоте. Сохранилось несколько вариантов ответа на телеграмму Максимова. 16 апреля командующего флотом извещали, что «вопрос о замене (в ранней редакции – «снятии» – *Б.К.*) наплечных отличий иными по образцу иностранных республиканских флотов уже ранее предрешен был Временным правительством. В Гламоре (Главном морском штабе. – *Б.К.*) уже разработан проект новых нарукавных отличий, который будет введен в ближайшие дни, о чем поставлю Вас в известность». В одном из вариантов ответа содержится фраза: «Так, считая вопрос общим для всех флотов, прошу остановить». Однако эта фраза была зачеркнута и в окончательный

текст ответа она не вошла. Очевидно, и в Главном морском штабе поняли необратимость происходящего (РГА ВМФ. Ф.417. Оп.2. Д.2304. Л.33. 47об.; Ф.479. Оп.2. Д.1254. Л.10).

Однако к этому времени Максимов был вынужден сделать новый шаг. 16 апреля, в 18ч.50м., он сообщал в Генеральный морской штаб: «О разработке проекта Гламором новых нарукавных отличий мне не было известно. Вынужден был обстановкой принять решительные меры, отменить старую форму и выработать новые отличия. Считаю, что нужно их, быть может, с малыми поправками принять, так как по этой схеме Балтийский флот уже отличия надел». Резолюция одного из руководителей Морского ведомства на послании Максимова гласила: «Ответить: Приказ минмора об отличиях на рукавах вместо погон вышел» (РГА ВМФ. Ф.417. Оп.2. Д.2304. Л.50–51об., 63).

Упомянутый Максимовым приказ по Балтийскому флоту № 126, датированный 16 апреля, гласил: «Впредь до выработки общей для всего флота формы одежды предлагаю: 1. Офицерам иметь нарукавные отличия по прилагаемому чертежу. 2. Кокарды временно закрасить в красный цвет до тех пор, пока не будут выработаны фуражки нового образца с новыми эмблемами. 3. Шарф отменить. 4. Пуговицы с орлами, по мере возможности, заменить пуговицами с якорем. 5. На оружии уничтожить вензеля». К приказу прилагалась таблица нарукавных знаков различия, количество и ширина галунов соответствовали званию офицерских чинов морского ведомства.*

В тот же день, 16 апреля, военный и морской министр А.И.Гучков тоже отдал, наконец, приказ за № 125, согласно которому все виды погон изымались из употребления «в соответствии с формой одежды, установленной во флотах всех свободных стран». В некоторые соединения этот документ

* Так, например, мичманы и поручики имели один средний галун с завитком и один узкий без завитка. У адмиралов, генералов и высших чиновников Морского ведомства – один средний галун с завитком и два широких без завитка, а звание обозначалось пятиконечными звездами, прикреплявшимися выше галунов. Соответственно у контр-адмирала – одна звезда, у вице-адмирала – две, у полного контр-адмирала – три. (РГА ВМФ. Ф.417. Оп.2. Д.2304. Л.51об.–52, 57; Ф.479. Оп.2. Д.1254. Л.16–17).

поступил 17-го, указывалось на необходимость спешного его выполнения: «Приказ привести в исполнение, по возможности сегодня», – гласила телеграмма, полученная штабом начальника речных сил на Дунае (Вестник 1917; РГА ВМФ. Ф.715. Оп.1. Д.3. Л.223–225).

Текст приказа Гучкова был близок к тексту приказу Максимова № 126: «...впредь до окончательной выработки ... в установленном порядке» новой формы вводилась замена погон галунами, отмена шарфов, уничтожение вензелей на оружии, закрашивание середины кокарды в красный цвет (затем интендантскому ведомству было дано распоряжение о производстве соответствующих кокард). Возможно, выход приказов был согласован, либо они основывались на каком-то общем источнике. Но весьма вероятно, что составители приказа по Морскому ведомству использовали приказ по Балтийскому флоту. Впрочем, сами руководители министерства разъясняли, отвечая на запросы, что приказ по флоту и Морскому ведомству «совпал с приказом адмирала Максимова». Новые знаки отличия в обоих приказах большей частью совпадали, существовали лишь небольшие отличия, касающиеся ширины галунов у некоторых чинов.*

Максимов вскоре распорядился внести соответствующие дополнения и изменения, согласовывая свои приказы с приказом по морскому ведомству (приказ по Балтийскому флоту от 27 апреля). Приказом морского министра № 150 от 21 апреля вводилась новая офицерская фуражка «американского» типа с плоским и прямым козырьком, а офицерская металлическая кокарда старого образца заменялась широкой кокардой с якорем и звездой. Разрешалось donашивать фуражки старого образца, со старыми кокардами, в этом случае черный цвет внутреннего щитка кокарды должен был заменен красным. Судя по фотографиям того времени, младшие офицеры с большей охотой обзаводились новыми фуражками и кокардами. В то же время старшие по возрасту и по званию моряки продолжали носить головные уборы старого образца (РГА ВМФ. Ф.417.

* В приказе Гучкова, например, нашивки мичмана описывались так: один широкий галун с завитком и один узкий – без завитка (РГА ВМФ. Ф.249. Оп.1. Д.103. Л.179–180; Ф.417. Оп.2. Д.2304. Л.49).

Оп.2. Д.2304. Л.54–56. 228–232 об.; Альбом II одежды Русского флота (1856–1945 г.) к рукописи «Историческое описание формы одежды Отечественного флота за 250 лет» / С.Ф.Юрьев (ЦВММ, фонд хранения знамен, флагов, обмундирования и нумизматики, № 40825/2. Рис.82–84); Еженедельник 1917: 3–5; Доценко 1994: 142–147; Харитонов, Горшков 1991: 28–30; Тронь 1998: 64–67).

Сложилась ситуация, когда командование Балтийского флота под угрозой разрастающегося насилия масс продиктовало, фактически навязало, правительству введение новой формы для всего личного состава Морского ведомства. Генерал А.И.Деникин приводит приказ адмирала Максимова о снятии погон как пример самостоятельного решения командующими «принципиальных военно-государственных вопросов» (Деникин 1991: 157). Показательно, что вождь Белого движения совершенно игнорировал характер и размах массового и стихийного движения за снятие погон. Новая морская форма была введена революционным путем.

В других флотах Балтийский флот порой рассматривался в это время как очаг анархии и разложения, знаком чего был отказ от традиционных символов и ритуалов. Балтийцы пытались возражать, утверждая, что они являются сторонниками дисциплины нового типа. Команда балтийского крейсера «Россия» 9 мая приняла обращение к черноморцам. Оно гласило: «Адмирал Колчак видел лишь людей тыла, он видел в отмене отдания чести, титулования и снятия погон упадок дисциплины и потерю боевой способности. Разве почести, погоны и титулование есть боеспособность?» (Копии большевистских резолюций, постановлений (Рукописно-документальный фонд ЦВММ. В-11833/1. Л.34–35)).

Предусматривались и нарукавные знаки различия для матросов. Специальная комиссия не позже 20 апреля разработала соответствующий проект приказа по Морскому ведомству. Любопытно, что по этому проекту флотские унтер-офицеры должны были бы иметь на левом рукаве красную пятиконечную звезду диаметром один дюйм (РГА ВМФ. Ф.417. Оп.2. Д.2304. Л.80, 81, 95, 121). Приказ, однако, так и не был опубликован, ибо он не получил одобрения выборных организаций Бал-

тийского флота. А 10 мая Центробалт решительно выступил против любых нашивок для матросов: «...общая форма для всех матросов должна быть одинакова, без всяких нашивок и нарукавных знаков» (Протоколы 1963: 47). Позицию авторитетной выборной организации министерство игнорировать не могло. В итоге военных моряков должен был отличать лишь красный вышитый якорь на левом рукаве (приказ по Морскому ведомству № 142 от 21 апреля). Но и его носили далеко не все (РГА ВМФ. Ф.249. Оп.1. Д.103. Л.203).

Информация о приказе Гучкова уже поступила в войска, однако его полный текст был еще неизвестен. Это создавало почву для разных его интерпретаций и делало неизбежным новые конфликты. Капитан 1-го ранга А.Д.Бубнов, флаг-капитан Морского штаба Верховного главнокомандующего, в телеграмме от 18 апреля просил «как можно скорее и шире» распространить текст в печати: «Приказ получил широкое распространение, и на почве распространения, если оно не получит широкой огласки в печати, могут возникнуть серьезные недоразумения» (РГА ВМФ. Ф.417. Оп.2. Д.2304. Л.67).

Между тем «погонная революция», казалось, готова была охватить и столицу. В Петроградский Совет поступила информация о том, что в городе какие-то неизвестные люди срывают погоны с офицеров. Этот факт был осужден Советом: в обращении Исполнительного комитета утверждалось, что «обеспогонивание» осуществляют некие делегаты, прибывшие из Кронштадта. По другим сведениям, сама атмосфера слухов, в которой проходила подготовка изменения формы, способствовала эксцессам такого рода (Петроградский Совет 1995: 219, 222, 234). Возможно, для слухов имелись некоторые основания. В проекте телеграммы Морского главного штаба от 17 апреля сообщалось: «Касаясь до чинов Военного ведомства, то о таковых приказа Временного правительства не было и не имеется предложения, но должны у всех оставаться погоны защитного цвета» (РГА ВМФ. Ф.417. Оп.2. Д.2304. Л.49). Можно предположить, что рассматривался вопрос об отмене золотых и серебряных офицерских погон, но окончательное решение все же принято не было.

О конфликтах на улицах столицы сообщал и приказ командующего войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенанта Л.Г.Корнилова от 17 апреля за № 168. Он гласил: «...никаких распоряжений относительно изменения формы одежды сухопутных войск, ношения погон и установления других знаков об обозначении чинов я ни от Временного правительства, ни от военного министра не получал. Лица, позволяющие себе срывать или срезывать погоны офицеров и солдат, подлежат задержанию как провокаторы, вызывающие рознь в армии» (Вестник 1917; РГА ВМФ. Ф.417. Оп.2. Д.2304. Л.53).

Однако «обеспокоивание», по-видимому, имело место и в этот день, об этом сообщал своему начальству американский военно-морской атташе. По его наблюдениям, 1 мая (18 апреля старого стиля) офицеры предпочитали не показываться на улицах. На фотографических же снимках, изображающих шествие Гвардейского экипажа, и матросы, и офицеры запечатлены без погон (National Archives (Washington). RG 45. WA 6. Box 716. Folder 4. P.3).

В провинции также имели место эксцессы. Офицер Черноморского флота вспоминал: «Этот приказ пришел в Николаев накануне 1 мая, дня, который новое правительство объявило чуть ли не национальным праздником. У большинства офицеров фактически не было времени, чтобы изменить форму. Матросы и чернь нападали на офицеров, срывая у них погоны, всячески оскорбляя и унижая при этом» (Монастырев 1995: 83).

В этот день распространялся и приказ по Военному ведомству № 2980, отданный Гучковым 17 апреля. В нем сообщалось об изменении формы во флоте. Специально оговаривалось, что «изменения не относятся до чинов сухопутной армии и Военно-сухопутного ведомства, в форме коих погоны служат не только отличительным признаком отдельных войсковых учреждений и огромной армии, особенно в боевой обстановке, но являются и видимым почетным знаком высокого звания воина, офицера и солдата, почему и существует во всех сухопутных армиях республиканских стран». Появление приказа было обусловлено борьбой с погонами в армии, которая усилилась после появления приказа по флоту: «Между тем уже наблюдаются случаи не только самоуправного упразднения погон, но даже и на-

сильственного срывания их с офицеров. Предупреждаю, что я не допущу в армии подобных самоуправств и насилия и подвергну повинных в подобных деяниях строжайшей ответственности. Приказываю всем офицерам и солдатам сухопутной армии и Военно-сухопутного ведомства строго и точно соблюдать всю существующую и не отмененную форму одежды» (Вестник 1917; РГА ВМФ. Ф.Р-181. Оп.1. Д.5. Л.225).

Старую форму должны были сохранять и военнослужащие ряда частей Морского ведомства. Телеграмма Главного морского штаба от 19 апреля гласила: «Приказ о форме одежды распространяется лишь на морскую форму. Тем же, кто ходит в одежде сухопутного образца, и в районе армии надлежит носить защитную форму наравне с сухопутными» (РГА ВМФ. Ф. 715. Оп.1. Д.3. Л.195).

Форму морских офицеров называли затем «керенской формой» – в честь нового военного и морского министра, хотя она и была введена еще при Гучкове. Отношение к ней было различным: некоторые офицеры в знак протеста даже пытались уйти в отставку, в адрес командования поступали критические письма ветеранов флота (РГА ВМФ. Ф.417. Оп.2. Д.2304. Л.140–141). Офицеров пугали и немалые непредвиденные затраты: контр-адмирал Н.Н.Коломейцов, возглавлявший специальную комиссию по пересмотру формы обмундирования офицерских чинов флота, считал нужным предоставить для этой цели каждому офицеру единовременную ссуду 200 руб. (РГА ВМФ. Ф.417. Оп.2. Д.2304. Л.142,144, 177, 210).

Но многим нововведения нравилась, молодые офицеры быстро обзавелись новыми фуражками и шитыми кокардами британского образца. Сказалось и традиционное англофильство военных моряков: нарукавные галуны были знаками отличия во флоте Великобритании. Некоторые адмиралы и до революции предлагали провести соответствующие изменения во флотской форме. Правда, офицеры порой были недовольны тем, что размер и количество галунов отличается от «классического» британского образца: русские капитаны 1-го ранга получали форму, подобную английским капитанам 2-го ранга. Офицеры рекомендовали точнее использовать форму (РГА ВМФ. Ф.417. Оп.2. Д.2304. Л.75–78, 127, 129, 149).

Некоторые матросы восприняли отмену погон безразлично, а то и с иронией: изменение формы, по их мнению, подменяло «настоящие» преобразования. Но для большинства рядовых моряков ликвидация погон была важной символической победой нового строя. Герой стихотворения, написанного матросом-активистом, говорит об этом так:

«Носил и я погон прекрасный,
Но он мне страшно надоел,
В погоне признак был опасный,
Погон крушенье потерпел»
(Андринг 1917: 12).

Приказы Гучкова оформляли процессы, развивавшиеся в ходе «погонной революции», они подводили черту под символическими конфликтами этого этапа. Но они же провоцировали и новые столкновения, создавали новые проблемы. Матросы также воспринимали отмену погон как сигнал к углублению символического переворота и активно приступили к новой фазе революционного «формотворчества». Изменение формы флота провоцировало и акции «обеспогонивания» в армии, которые оформляли различные конфликты.

Историки российской революции 1917 г. сравнительно мало внимания уделяли борьбе с символами «старого режима». Если о них и писали, то лишь как о колоритной черте эпохи. Примером может послужить «погонная революция», которая фактически не привлекала внимания исследователей. Между тем, как мы видим, вопрос о погонах порой был буквально вопросом о жизни и смерти. Отказ снять погоны приводил к убийствам, порой же офицеры защищали свои погоны с оружием в руках. Лишение погон и орденов могло стать причиной самоубийства.*

Отношение к погонам и другим символам «старого строя» было своеобразным индикатором степени «революционизирования» отдельных частей и соединений. Но порой именно вопрос о погонах был важнейшим фактором такой радикализации.

* Отставной генерал П.И.Мищенко застрелился в годы Гражданской войны, после того как во время обыска с него сняли погоны и ордена (Деникин 1991: 157).

Тем более удивительно, что и историки революции, и историки Российского военно-морского флота необычайно мало внимания уделяли этому сюжету в своих работах, хотя они не могли не знать о многочисленных конфликтах, причиной которых стали погоны.

Чем объяснить подобное молчание?

После восстановления погон в 1943 г. об этом эпизоде было крайне неудобно вспоминать, он никак не способствовал развитию воинской дисциплины. Да и ранее советская историография рисовала образ «типичного» сознательно-го и революционного матроса, именно он стал символом большевистского Октября. Изображения же сцен стихийного бунта «обеспогонивания» мешали созданию такой картины.

Однако вряд ли только цензура и самоцензура мешали освещению вспышек борьбы с «символами прошлого». Объяснить наличие этой историографической лакуны можно общим подходом к изучению феномена революции. Если применительно к Февралю ставился вопрос о соотношении «стихийности» и «сознательности», то в последующие месяцы «массы» рисовались лишь как объект воздействия политических партий. Исследователи разных школ и разных взглядов уделяли основное внимание главным участникам борьбы за массовое сознание и, соответственно, за власть – политическим партиям. Последние же не были прямыми инициаторами «погонной революции» и ряда других символических конфликтов, хотя в некоторых условиях партийная пропаганда могла восприниматься, «переводиться» как призыв к борьбе с погонами. В известной политико-культурной ситуации политические символы, и в частности погоны, становились фактором самоорганизации и саморегуляции массового, стихийного движения, которое порой заслоняется для историков борьбой политических партий. Однако в первые месяцы после Февраля процесс восстановления и строительства партийных структур только шел, в некоторых районах они лишь начинали действовать. Да и в последующие месяцы политические партии далеко не всегда контролировали массовые движения. Порой же в массовых протестных стихийных акциях, сопровождавшихся насилием, участвовали те люди, которые буквально накануне дисциплинированно голосовали за

умеренных социалистов. Процесс радикализации массового политического сознания был многомерным, его нельзя описывать только как переход на позиции крайних политических партий. Порой именно борьба с символами и за символы вела к конфронтации с властями.

«Погонная революция» была формой борьбы бывших нижних чинов против офицеров. А именно антиофицерские выступления 1917 г. – необычайно важное политическое явление, сопоставимое по своему значению с борьбой против «буржуазии». Впрочем, в условиях того времени и антибуржуазная пропаганда могла восприниматься как призыв к борьбе с офицерами, с «офицерским классом» (именно такой термин мы встречаем в современных событиях источниках – см.: Лукьянов 1917).

Разумеется, борьба за «демократизацию» армии и флота характеризовалась антиофицерской направленностью. В ходе этой борьбы выдвигались требования выборности командного состава, уравнивания жалования, пенсий и пайков всех военнослужащих, наконец – требование отмены чинов и званий. И данные требования поддерживала пропаганда радикальных социалистов. Так, они содержались в резолюциях, которые печатались в большевистской прессе и, надо полагать, проводились на собраниях большевистскими агитаторами. Однако нередко выступления против офицеров начинались стихийно, без ведома политических партий, а порой и вопреки их желанию. В этих ситуациях именно символы, старые и новые, играли большую роль в самоорганизации толпы.

Литература

- Авдеев 1923 – Авдеев Н. Революция 1917 года (Хроника событий). М.; Пг., 1923. Т. I: Январь-апрель.
- Андриинг 1917 – Андриинг Э. А. Новые политические песни и стихотворения свободной России. Пг., 1917.
- Болдырев 1927 – Из дневника генерала В. Г. Болдырева // Красный архив. 1927. Т. 4 (23).
- Бурджалов 1971 – Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Москва, фронт, периферия. М., 1971.

- Вестник 1917 – Вестник Временного правительства. 1917. 18 апреля.
- Воропаев – Воропаев. Начало военно-морской службы на Балтийском флоте (Рукописно-документальный фонд ЦВММ. В-18992. Л.10).
- Врангель 1969 – Воспоминания генерала барона П.Н.Врангеля. Франкфурт-на-Майне, 1969.
- Граббе 1995 – Граббе П. Окна на Неву: Мои юные годы в России. СПб., 1995.
- Граф Г.К. 1997 – Граф Г.К. На «Новике» (Балтийский флот в войну и революцию). 2-е изд. СПб., 1997.
- Деникин 1991 – Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии (Февраль-сентябрь 1917). М., 1991.
- Доценко 1994 – Доценко В.Д. Русский морской мундир, 1696–1917. СПб., 1994.
- Дубенский 1922 – Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России (ноябрь 1916 г. – апрель 1917 г.) // Русская летопись. 1922. Кн.3.
- Егоров 1925 – Егоров И.Н. (Орлов К.Н.) Жизнь рабочего-революционера (От 1905 г. до 1917 г.). Л., 1925.
- Иностранные дипломаты 1927 – Иностранные дипломаты о революции 1917 года // Красный архив. 1927. Т.5 (24).
- Колбин 1927а – Колбин И.Н. Кронштадт от Февраля до корниловских дней // Красная летопись. 1927. № 2 (23).
- Колбин 1927б – Колбин И.Н. Кронштадт организуется, готовится к бою // Октябрьский шквал (Моряки Балтийского флота в 1917 году). Л., 1927.
- Корнаков 1980 – Корнаков П.К. Автограф художника // Музейное дело в СССР. М., 1980.
- Корнаков 1983 – Корнаков П.К. Знамена Февральской революции // Геральдика: Материалы и исследования. Л., 1983.
- Корнаков 1986 – Корнаков П.К. Опыт привлечения вексиллологических источников для решения геральдических проблем // Труды Государственного Исторического музея. М., 1986. Вып.61.
- Корнаков 1989 – Корнаков П.К. 1917 год в отражении вексиллологических источников (По материалам Петрограда и действующей армии): Дисс. ...канд. ист. наук. Л., 1989.
- Корнаков 1990 – Корнаков П.К. Краски войны // Родина. 1990. № 10.
- Корнаков 1994 – Корнаков П.К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции: 1917 год в России. Массы, партии, власть. СПб., 1994.
- Лукиянов 1917 – Лукиянов Ф. Письмо в редакцию // Прибой. Гельсингфорс, 1917. 8 декабря.

- Михайлов 1997 – Михайлов А. Шляхетный корпус // Родина. 1997. № 6.
- Монастырев 1995 – Монастырев Н.А. Гибель царского флота. СПб., 1995.
- Панцержанский 1987 – Панцержанский Э.С. От Февраля к Октябрю // Север. 1987. № 7.
- Петроградский Совет 1995 – Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций (27 февраля–25 октября 1917 года). СПб., 1995. Т.2: 1 апреля–5 мая 1917 года.
- Протоколы 1963 – Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота (1917–1918). М.; Л., 1963.
- Революционное движение 1957 – Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957.
- Революционное движение 1958 – Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис: Документы и материалы. М., 1958.
- Родичев 1983 – Родичев Ф.И. Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville, Mas, 1983.
- Сухомлинов 1926 – Воспоминания Сухомлинова. М.; Л., 1926.
- Темирев 1998 – Темирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998.
- Тронь 1998 – Тронь А.А. Морская форма русской смуты // Цитадель. 1998. № 1 (6).
- Харитонов, Горшков 1991 – Русская армия (1917–1920): Обмундирование. Знаки различия. Награды и нагрудные знаки / Сост. О.В.Харитонов, В.В.Горшков. СПб., 1991.
- Царская армия 1932 – Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932.
- Cromie 1973 – Documents on British Relations with Russia, 1917–1918: F.N.A.Cromie's Letters, March 27th to July 11th, 1917 // Canadian-American Slavic Studies. 1973. Vol.7, Fasc.3.
- Gourko 1919 – Gourko V. War and Revolution in Russia, 1914–1917. New York, 1919.
- Stites 1979 – Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in Russian Revolution: New York; Oxford, 1979.
- Stites 1994 – Stites R. Революционная культура и ее место в истории культурных революций // Анатомия революции: 1917 год в России. Массы, партии, власть. СПб., 1994.